

Диктатура закона
заключается в том, что
слепую Фемиду поменяли на
государево око.

А. К. М.

НОВАЯ газета

№ 32 (600)

4,8 МЛРД ДОЛЛАРОВ НЕ ДОШЛИ ДО РОССИИ БАНКИР САФРА ЗАГАДОЧНО ПОГИБ

Если Касьянов приедет в Швейцарию, его вызовут к следователю?

14 августа 1998 года, за три дня до дефолта, кредит МВФ в размере 4,8 млрд долларов попадает не в Россию, а на счет «Нэшнл рипаблик банк» — им владеет крупнейший банкир Эдмон Сафра.

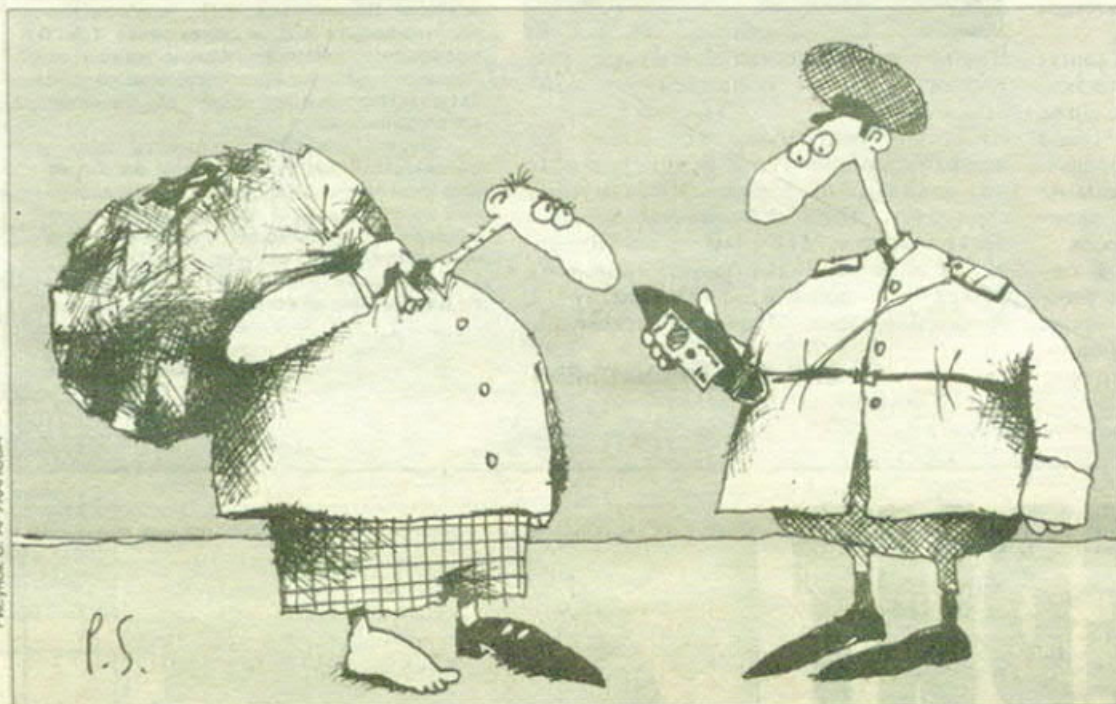
Поняв, что этой авантюрой заинтересовалось ФБР, Сафра пытается оправдаться перед могущественной спецслужбой и рассказать всю схему отмывания русскими чиновниками стабилизационного кредита МВФ.

В декабре 1999 года банкир погибает при загадочных обстоятельствах.

И все же становится известным, что в афере напрямую замешан тогдашний министр финансов, а ныне премьер России Михаил Касьянов.

Как сообщил редакции «Новой газеты» источник из Берна, на российский премьер вполне может быть выписан ордер о принудительном приводе на допрос к следователю из Швейцарии.

Материал Олега ЛУРЬЕ — стр. 5

Рисунк С. АРУМАНОВА

Анатолий Чубайс КОНФЛИКТА С ВОЛОШИНЫМ НЕТ

Мы продолжаем печатать цикл интервью с представителями финансово-промышленных элит об идеологии российского бизнеса и философии его взаимоотношений с властью. На этой неделе в дискуссии участвовал председатель правления РАО «ЕЭС России» Анатолий ЧУБАЙС.

По давно заведенной лирической традиции, Чубайс согласился на интервью только в самолете — по пути с Дальнего Востока, самого проблемного региона в российской энергетике, где оплата за электричество «живыми» деньгами остается самой низкой, — 44% против 68% в среднем по стране. Отсюда постоянные энергетические кризисы, в которых Чубайс склонен винить не только объективно плохой топливный баланс региона и неплатежи, но и неумение гендиректоров местных энергосистем собирать деньги.

(Окончание на стр. 4)

ОДНОКАРАТОВЫЙ БРИЛЛИАНТ В КОРОНЕ МОСКОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

Начало, как обычно, было несколько нервным, несколько скомканным. Автомобилисты 19-го числа поминали фестиваль недобрый словом: центр практически парализован. Ждали приезда Касьянова.

Синяя дорожка замерла в ожидании гостей. Сквер перед «Пушкинским» был мастерски оцеплен. Многочисленные милиционерские кордоны прослаивались круглыми ребятами в черных костюмах (очень похожими на гангстеров из фильмов) из охранного агентства «Карат». Уже без четверти шесть все подходы, кроме напряженного в ожидании синедорожного — для звезд, были перекрыты с тщательностью, больше походившей на оцепление террористов. Во всяком случае, ни съемочные группы канала ТВ-Центр, ни фотокорреспонденты, ни пишущая братия как ни молили, ни доказывали право своих телезрителей и читателей ознакомиться с фестивальными сюжетами, услышаны не были. Молодцы-каратовцы изображали невозмутимую тугоухость, строго выполняя волю заказчиков: гнать и не пущать.

Но устроителям ММКФ следовало бы помнить, что не праздный интерес влечет на фестиваль журналистов, что без них показанное может быть и не услышано...

(Окончание на стр. 23)

Ахмад-Хаджи КАДЫРОВ: СВОБОДА ПРОСТОМУ ЧЕЛОВЕКУ НЕ НУЖНА

Бислан Гантамиров: «Людей на откуп банде Кадырова не отдадим»

На вопросы Анны ПОЛИТКОВСКОЙ ответил глава временной администрации Чеченской Республики

— Лидеров в Чечне перебивало очень много и на любой вкус: Дудаев, Завгаев, Хаджиев, Масхадов, Кошман. Теперь вот вы. И всякий раз народ слышал красивые слова о скором счастливом будущем, которое никак не наступало. Люди нищали, погибали, умирали. Какие главные задачи вашей, кадывской, власти?
— Моя задача — спасти чеченский народ от того пути, по которому его вели последние 300—400 лет и всякий раз обманывали. Каждый имам, приходя на нашу землю через 50 или 100 лет, обязательно поднимал чеченцев на джихад и сулил золотые горы, а потом всегда оставлял народ на полпути. Это я почувствовал на себе. И я был вовлечен в джихад. Думал, получим свободу, построим республику и проживем хорошо.

(Окончание на стр. 9)

Александр МИНКИН ЧТО ДУМАТЬ Троцкий-2000

История нам показывает — прямо в глаза. Она нам кричит — прямо в уши. А мы не видим и не слышим. И значит — не понимаем ее. И значит — не понимаем себя. Пхе мы? кто мы? куда идем? Десять лет (1990—2000) мы думали, что мы — Америка XIX века (по развитию капитализма), и Чикаго 1930-х (по бандитизму), и еще всяко. Гайдар строил Америку; Хасбулатов хотел то ли Швецию, то ли Швейцарию; Черномырдин, огорчаясь, что ничего не получается, сетовал: «Что мы, негры, что ли?»; Путину кажется, что мы Германия 1945-го — то есть разгромленные, уничтоженные, побежденные; Говорухин назвал фильм «Россия, которую мы потеряли» — то есть у нас была Россия, мы ее потеряли, а сами... А сами, видимо, всё те же — духовные, соборные...

(Окончание на стр. 7)

Самым важным событием для нас остается смерть Игоря

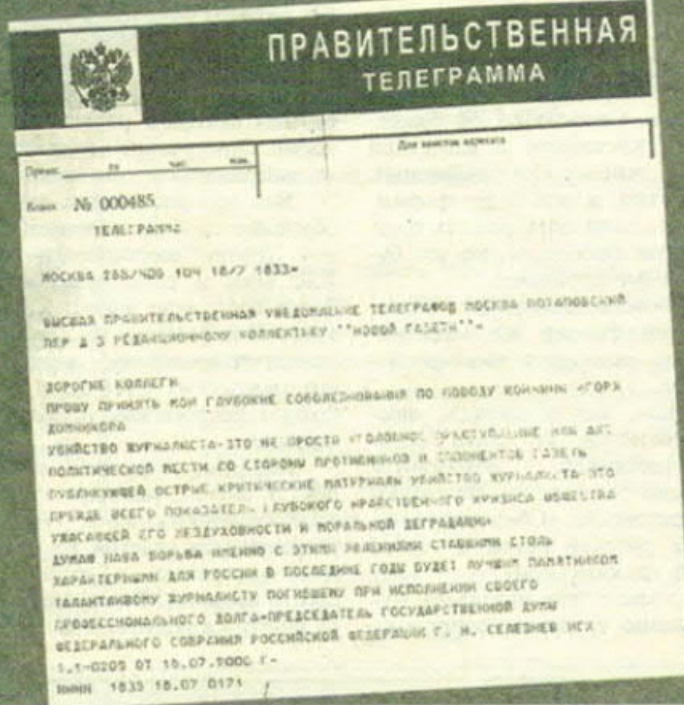

Потеря — не только для нас (нас — это про два дома, семью и работу). Читатели писали, звонили, приезжали. На третьей полосе мы публикуем первые телеграммы, факсы и записки, которые пришли в редакцию.

Спасибо коллегам — телеканалам НТВ, РТР, TNT, радиостанциям «Маяк», «Эхо Москвы», газетам «Время МН», «Известия», «КП», «Коммерсант», «Независимая», «Новые Известия», — все они были рядом.

У нас остались материалы Игоря. Один из них мы публикуем сегодня

стр. 24

Арбитры судят футболистов. Так было, есть и будет. Но мы решили изменить одностороннюю несправедливость. Лучшего судью должны выбирать и награждать футбольные клубы России. Спортивная акция «Новой газеты»

- «ЗОЛОТАЯ КАРТОЧКА» стр. 19
- Austria — ATS 33
- Belgium — BFR 95
- Cyprus — C\$ 2.2
- Germany — DM 4.5
- Italy — LIRE 4900
- Malta — LM 1.5
- Spain — PTS 510

(Начало темы на
стр. 1)

Владимир Путин получил очередной болезненный удар от итальянских журналистов. Итальянская «Республика» опубликовала сенсационный материал о том, что в августе 1998 года кредит на 4,8 млрд долларов, предоставленный МВФ России, был банально украден при помощи запутанной системы перечислений денег из банка в банк. Но тезис, что в России воруют давно и много, уже не вызывает ни у кого сомнений. Сенсационность публикации итальянцев в том, что махинацию «разруливал» не кто иной, как нынешний премьер-министр и тогдашний замминистра финансов Михаил Касьянов.

Сотни средств массовой информации, в том числе и российские, подхватили публикацию «Республики», и большинство из них, не имея новых фактов, просто сообщили, что почти пятимиллиардный кредит МВФ так и не дошел до России благодаря стараниям Михаила Касьянова. Что, судя по нашей информации из Швейцарии и США, совершенно верно, и вполне вероятно, что премьера можно переименовать из Миши Два Процента в Михаила-Миллиардера. Факты, рассказанные нашими итальянскими коллегами, показали недостаточными, и мы, решив продолжить собственное расследование, столкнулись с одной интересной историей, на которую почему-то никто не обратил внимания. И так.

14 августа 1998 года деньги российского кредита уходят из нью-йоркского Федерального резервного банка (счет № 9091). А дальше происходят весьма странные события. 4,8 миллиарда «зеленых» попадают почему-то на счет № 608555800 в «Нешэнл рипаблик бэнк», принадлежащий одному из крупнейших банкиров Эдмону Сафре. А из этого банка миллиарды по распоряжению Касьянова «разгоняются» по различным зарубежным счетам и в итоге оседают в США и Швейцарии, так и не попав в наше отечество, в котором 17 августа

произошел крупнейший финансовый кризис, и последствия его мы ощущаем до сих пор. А вскоре произошли события, которые напоминают посредственный американский боевик.

ИЗ НАШЕГО ДОСЬЕ: Сафра был основателем и директором «Республиканского банка Нью-Йорка». Выходец из семьи ливанских евреев, 68-летний Сафра был известен как основатель Республиканского национального банка Нью-Йорка. Многие годы он входил в список самых богатых людей. Его состояние исчисляется миллиардами долларов. В декабре 1998 года Эдмон Сафра погиб в своей резиденции в Монако при весьма странных обстоятельствах.

После того как деньги кредита МВФ ушли из «Нешэнл рипаблик бэнк», принадлежащего Сафре, и практически бесследно растворились в финансовых структурах Запады, миллиардер обеспокоился их судьбой, тем более что его уже пытались обвинить в финансовых махинациях по отмыванию российских денег. Понимая, что именно исчезновение этого кредита МВФ вызвало в России финансовый кризис, Эдмон Сафра обратился в Федеральное бюро расследований США и заявил, что готов показать им всю схему отмывания русскими чиновниками 4,8 миллиарда долларов стабилизационного кредита МВФ. Периодические беседы Сафры с представителями ФБР длились почти год — миллиардер искал пути вывода своего банка из-под подозрений. А они были: совсем недавно он перевел миллиарды на счета, указанные представителями русских чиновников из Минфина и Центробанка. К лету 1999 года отношения между Сафрой и ФБР сложились наиболее благоприятно, и он начал давать весьма конкретные показания о путях отмывания денег и тех, кто за этим стоял, называя имена высокопоставленных россиян и раскрывая всю сложнейшую систему кор-

рупции и воровства. К делу подключилась и швейцарская прокуратура. Тогда-то и произошли странные и страшные события.

В начале осени 1999 года в резиденцию Эдмона Сафры на юге Франции пожаловал неофициальный представитель российских чи-

новников — печально известный бизнесмен Борис Абрамович Березовский. Он беседовал с Сафрой в течение трех часов за закрытыми дверями. Разговор велся на повышенных тонах, и после беседы Березовский в явно расстроенных чувствах умчался на свою виллу в

Антибе. Эдмон Сафрой же овладела безудержная паника. Он заявил, что его собираются убить за откровения в разговорах с сотрудниками ФБР. Несмотря на то что принадлежащая ему вилла «Леопольдо» была оборудована системой безопасности по последнему

Жена и дочь банкира спаслись, забаррикадировавшись в комнате.

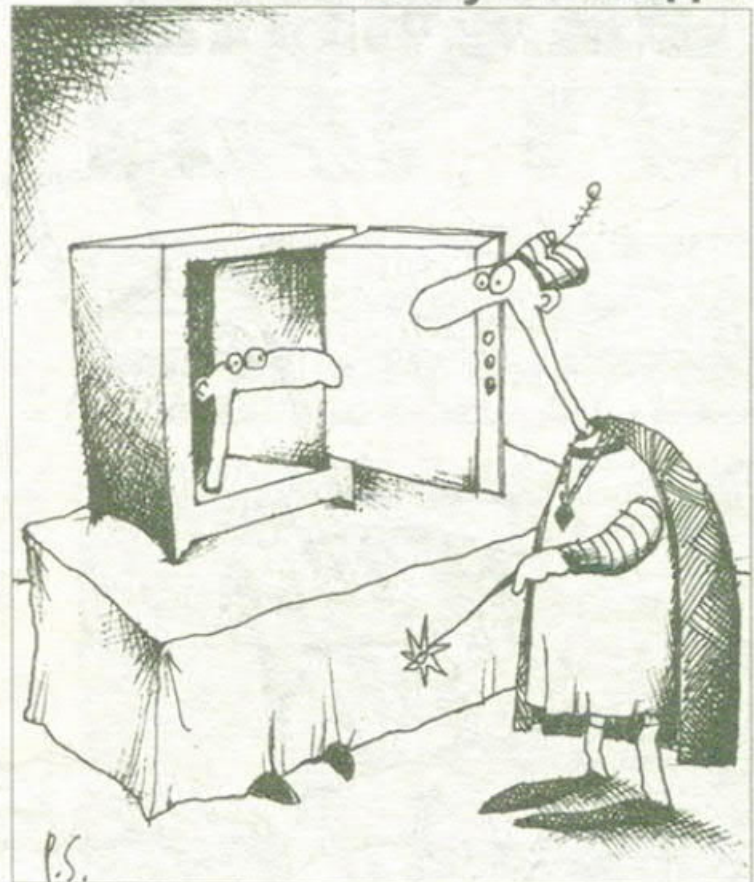
По мнению Бертосси — генпрокурора Кантона Женева, курирующего расследование по отмыванию кредита МВФ, поводом для убийства Эдмона Сафры стали его откровения с сотрудниками ФБР и швейцарской прокуратуры, которые занимались расследованием истории об исчезновении и отмывке 4,8 миллиарда долларов стабилизационного кредита для России.

По мнению одного из сотрудников ФБР, имеющего прямое отношение к «Рашагейту», или, как теперь называют этот скандал, «Делу Касьянова», страшная смерть Эдмона Сафры окончательно перепугала руководство банков, через которые отмывались кредитные деньги, и многие свидетели этой аферы века боятся давать показания, больше не веря в американскую систему защиты свидетелей. Но швейцарский прокурор Бертран Бертосси все же убежден, что сможет довести это расследование до конца, и виновным будет предъявлено обвинение. Как уже убедились многие из кремлевских чиновников, Маленький Бертран никогда не бросает слов на ветер, и вполне очевидно, что Михаил Касьянов вскоре не сможет выехать дальше дружественных Китая и Кореи, потому что в женевской тюрьме Шон-Долон всегда найдется свободная койка. Увы, без вида на озеро.

● Олег ЛУРЬЕ

P.S. Когда я закончил писать этот материал, от одного из высокопоставленных чиновников швейцарских правоохранительных органов стало известно, что в случае подтверждения некоторых фактов и отказа Михаила Касьянова дать показания, на российского премьера будет выписан ордер о принудительном приезде на допрос к следователю. Швейцарскому.

4,8 МЛРД ДОЛЛАРОВ НЕ ДОШЛИ ДО РОССИИ БАНКИР САФРА ЗАГАДОЧНО ПОГИБ Если Касьянов приедет в Швейцарию, его вызовут к следователю?

слову техники, Сафра вместе с семьей срочно переехал в Монте-Карло, где поселился в специально подготовленном бункере площадью 1000 кв. метров на бульваре Остенде, в котором имелись все возможные средства безопасности и у каждой комнаты была своя охранная система и бронепокрывание. Этот бункер, по мнению специалистов, мог выдержать даже небольшой ядерный взрыв.

Но в декабре 1999 года произошло невозможное. Бункер Сафры загорелся, и при тушении здания в ванной комнате обнаружили труп миллиардера. По версии следствия, Сафра погиб во время попытки вооруженного нападения. Утром в помещении проникли двое вооруженных людей в масках. Они подожгли здание, а затем скрылись в неизвестном направлении. Сафра пытался укрыться в ванной, где и задохнулся от дыма. В огне погибла няня его дочери.

ПОД КОВРОМ

ГЕНЕРАЛ ГРОМОВ «СДАЕТ СВОИХ» ИЛИ ВЫВОДИТ ИЗ-ПОД УДАРА?

Что стоит за переделом полномочий в правительстве Московской области

Обратите внимание — из всех генералов, пришедших в светскую власть, не у дел остался только Дудаев. Все остальные, хоть и напакостили в разной степени политикам, сохраняют свои руководящие позиции в новой для них гражданской жизни. Похоже, самого интеллигентного генерала получила Московская область. С момента избрания Бориса Громова губернатором, слава богу, обострения военно-политической ситуации вокруг столицы не наблюдается. Хотя это представляется странным. Генерал пришел в губернаторы явно вопреки пожеланиям федерального Центра, сменил многолетнего главу администрации области, привел своих людей к управлению, стал прибирать к рукам финансовые потоки. И все тихо?! Откровенно говоря, в это верится с трудом. Ну просто потому, что так не бывает.

В прессе появились сообщения, что на днях Громов «сдал» первого своего соратника. Да, действительно, в руководстве области произошло знаменательное событие, на языке чиновников оно называется перераспределением обязанностей. Конкретно говоря, управление основными финансово насыщенными отраслями перешло от одного заместителя Громова, Михаила Бабича, к другому — Михаилу Меню.

Внешне все просто. Губернатор издал постановление и перепоручил

кое-что. Но это кое-что — ни много ни мало министерства экономики, финансов, комитет по имуществу Московской области. Практически все правительство области.

Чем же провинился Бабич, опытный финансист, специалист, которых, как ни крути, в окружении Громова немного? В конце концов, Бабич обеспечил рост собираемости налогов 80% — это ли не показатель его незаменимости? Интриг со стороны вице-губернатора Меню тоже не наблюдалось, да и слишком мало времени прошло после выборов, чтобы внутри подмосковного правительства сложились достаточно влиятельные противоборствующие группировки.

Давление может быть организовано только со стороны. Причем давление крайне серьезное. Потому что для осведомленных кругов уже не секрет, что Бабич уйдет, — ему это предложил Громов.

Относительная финансово-политическая стабильность ситуации в Подмоскovie обусловлена давно сложившимся равновесием (тоже, впрочем, относительным) сил политики и капитала. То есть и в области при Тяжлове, так же как и в стране при Ельцине, существовала (опять-таки примитивная, но все же) система «сдержек и противовесов».

Действительность превзошла самые мрачные ожидания смелого гене-

рала. Область завязла в огромных долгах. Она фактически вся оказалась под залогом. Кредиты и долговые обязательства могут оставаться невостребованными довольно долго, но только в стабильной ситуации, когда действуют проверенные связи: криминальные и личные, обоюдная заинтересованность чиновников и бизнесменов.

С приходом Громова и нового правительства затрещали старые связи. Одним из первых, кому не подошла новая администрация, стал Гута-банк. Крупнейший кредитор Подмоскovie.

Этому банку область задолжала около 35 млн долл. Неясно, совпадают это или нет, но именно 10 июля, в день, когда был фактически отстранен от дел Михаил Бабич, Гута-банк подал иск на всю сумму долга. Внутренний заем был осуществлен в 1997—1998 годах, но до 10 июля банк этот вопрос не обострял.

Да, Михаил Бабич действительно оказался центральной фигурой, которая стала неудобной для многочисленных кредиторов. Не вдаваясь в подробности финансовых идей нового правительства, скажем, что программа Бабича предусматривала реструктуризацию долгов, в том числе и долгов Гута-банку. Бабич попытался разобраться с финансовыми схемами, которые проводились в области, минув ее бюджет.

Пока Бабич рисовал схемы, решалась его судьба. В мае этого года в Следственном комитете при Министерстве внутренних дел было возбуждено уголовное дело по хищениям в «Росмясомолторге». Бабич, как легко догадаться, имел отношение к этой организации в прошлом. До прихода в правительство он был заместителем ее генерального директора. С мая до начала июля шел скрытый процесс... Результат известен.

Последние события в правительстве Подмоскovie, повторим, пока не свидетельствуют об открытой войне между властью и капиталом. Сумма в 35 млн долл. ни для Московской области, ни тем более для Гута-банка не является критической. Первый конфликт — предвестник, как говорят сейсмологи.

Другое дело, что подобные конфликты имеют тенденцию к быстрому расширению. И опять-таки нам прихо-

Борис Громов

дится возвращаться к пресловутому «человеческому» фактору. Есть основания говорить, что Громов в этой ситуации не «сдал» соратника, а вывел его из-под удара. Хотелось бы в ближайшее время убедиться, что этот тактический шаг преследует иную — уже стратегическую — цель: сохранение выработанной программы выведения области из кризиса.

● Александр НЕЧИТАЙЛО

Грозный сегодня — это город не для всех. А только для очень крепких телом и духом людей. Потому что здесь самая настоящая зона биологического выживания — и больше, собственно, ничего. Везде — руины, смрад, голод, толпы тощих бездомных щенят, копошащихся в развалинах бывших домов и ничего не могущих там найти... Здесь не может быть места больным, детям и старикам

— А вы знаете, что на Катаюму (микрорайон Грозного. — Прим. авт.) опять вернули дом престарелых? Причем самых немощных из них. Думаем, чтобы отпартировать войну у нас закончилась, и жить можно... — говорит кто-то из толпы.

— То есть как «вернули»?.. Зачем? Кто? По какому праву?

Коротко — предыстория. Начиная с октября 1999 года редакция «Новой газеты» принимала титанические усилия, чтобы убедить российских правительственных чиновников в необходимости немедленно вывезти из-под обстрелов почти сотню дошедших до последнего края нищеты, голода и страха стариков и старушек из так называемого Катаюмского дома престарелых в Старопромысловском районе Грозного да к тому же совмещенного с домом-интернатом для психоневрологических больных-хроников. Конечно, никто тогда вывозить их не хотел. Чиновники дружно ссылались на трудности военного периода, на невозможность договориться с генералами о «коридоре».

Боевики, контролировавшие Старопромысловский район, набивали цену... Время шло, бомбы продолжали лететь на чеченскую столицу, из осажденного Грозного время от времени приходили малоутешительные сведения о бедственном состоянии богадельни. Становилось ясно: если не сейчас, то, вполне может статься, и никогда. И мы бились.

Чиновников и военных удалось прошибить лишь к середине декабря. Редакция собрала необходимую сумму на оплату труда водителей-проводников и бензин для автобусов. Соответствующие задания получили мужественные офицеры из Ингушского управления по борьбе с организованной преступностью. Под пулями и снарядами, рискуя жизнью, они подползли к дому престарелых на улице Бородинна и вывезли стариков в свою прифронтовую республику.

А вот теперь выяснилось: их вернули под пули! Ну ней-

мется кому-то откозырять наверх, в Кремль, что «мирная жизнь в Чечне налаживается полным ходом!». И так, 26 июня дом престарелых повезли в Грозный, под бочок к войне, которая тут не прекращается. Старикам не хотели, упирались, но их всячески уговаривала медсестра Тамара. Она — давняя наша знакомая, та самая, что не раз обманывала всех, кто готовил осенью и зимой вывоз стариков. Сейчас, перед путем обратным, Тамара говорила бабушкам и дедушкам: там отремонтированное здание, там все есть — вода, свет, еда... И люди сдались. Первую партию в количестве 19 человек доставили на Катаюму. Где не оказалось ни света, ни воды, ни газа, ни еды. Ни даже персонала.

— Слава богу, что в дороге в Ингушетии нам дали немного харчей. Лапшу, перловку. Иначе сразу умерли бы с голоду. Но все это было месяц назад... — Это плачет тетя Люся, Людмила Петровна Малышкина, жительница богадельни. Мы сидим на скамейке во дворе, боясь зайти в помещение. На нас смотрят пустые глазницы окон — стекол нет.

— Что было на обед?
Тетя Люся молчит.
— А сейчас, на ужин?..
— Вскипятила чай в кастрюльке. Раздала остатки хлеба.

На досках — грязная кастрюлька, принесенная с близлежащих руин. Грязные руки. Грязные железные кружки. Сидеть среди постояльцев дома престарелых, даже во дворе, даже при легком вечернем ветерке, тяжело. По всей видимости, с 26 июня, дня переезда, они не мылись. Вонь стоит несусветная.

Заходим внутрь — в проем от бывшей двери. На полу и на узких «пионерских» кроватках лежат те, кто не может встать. Прикованные к постелям чьи-то матери и отцы. Слепая бабушка, не помнящая, как ее зовут, в комнатухе с табличкой «№ 7», тут же спрашивает, откликнувшись

на незнакомый голос: «Не врач ли?» И, не слушая ответа, спешит: «Лекарства принесла?» Лежащий рядом парализованный дедушка Иса умоляет: «Умереть хочу. Дайте что-нибудь».

У меня нет никаких лекарств — ни чтобы жить, ни чтобы умереть. И тогда бабушка заливается беззвучным потоком слез... Никакого бравого мэра Грозного Суль-

никакого внимания. Так в Грозном наступает вечер.

«Счастливая старость» в аду.

Только живодер мог придумать этот переезд обратно. Остается задать один вопрос вице-премьеру российского правительства по социальным вопросам Валентине Матвиенко, в чьем ведении дома престарелых: как называется положение, при кото-

дивенцев у нее было как можно меньше, и в погоне за этим она забывает, что на гангрену души наши проверяется, в общем-то, немногим: отношением к своим неизлечимым больным, убогим, старикам. В который раз за эту новейшую историю последней войны приходится повторять: мы не проходим этого испытания. Причем не по оплошности, а по логике убеждений.

них войск МВД. Но туда добраться уже нет времени — немолотило подступает комendantский час, блокпосты закуриваются на ночь. Поэтому ничего не остается, как обратиться через газету к главному внутренним войскам генерал-полковнику Вячеславу Тихомирову и его заместителю генерал-лейтенанту Станиславу Кавуну: пожалуйста, дайте команду своим бойцам, несущим боевое дежурство на блокпосту в Старопромысловском районе, поделить хотя чем-то съестным с домом престарелых — ведь помрут же...

А тем временем редакция, начиная с этого дня, объявляет сбор помощи жителям Катаюмского дома престарелых, предательским образом свезенных опять в Грозный. Читателям, желающим принять участие во второй серии спасения, следует послать свои конкретные предложения, используя пейджер 232-00-00 (для абонента 49883). Мы уверены: остро требуются волонтеры-бессребреники, с опытом социальной работы, которые могут приехать в Грозный со всем своим — от воды до спальных — и оказывать помощь, не прося ничего ни у кого. Очень хочется, чтобы в конце этой эпопеи на вопрос: так люди мы или звери? — можно было бы с гордостью написать: «Фиг вам, мы еще — люди».

...Вечно ребенок, Мака бежала за нами, сколько позволяла ее больная волочащаяся нога, и что-то долго покрикивала вслед, поднося руку к зубам. Грязное платье на истощенном теле да коротко, от вшей, стриженная голова. Чтобы жить, надо есть. И пить. Вот о чем просила нас Мака. Хотя ни одного слова разобрать было невозможно...

Мы рады сообщить о добром. По просьбе редакции 21 июля командир Кузнецов дал шифрограмму своим подчиненным в Грозный. И бойцы с блокпоста стариков покормили. Спасибо.

● Анна ПОЛИТКОВСКАЯ
Грозный

● P.S. Редакция благодарит Дмитрия Макеева, Петра Велейкина и Александра Сухарева — бойцов Архангельского ОМОНа — за помощь в подготовке материала.

В ГРОЗНОМ НАЧАЛАСЬ ЖИЗНЬ!

Для доказательства этой версии бросили на смерть стариков

«Счастливая старость» в аду

яна Махчаева, не сползающего с экранов центральных телеканалов, никакого Бислана Гантамирова, зубами сейчас выдирающего власть из-под всех остальных в Чечне, — никого тут сейчас нет. И не было.

Никому не нужны те, кто никому не нужны.

Где-то рядом вовсю трудится тяжелая артиллерия. По-вольчи шипят снаряды. Слышны автоматные всхлипы, на которые никто не обращает

ром стариков, находящихся на полном попечении государства, привозят в город, где даже боевые генералы предпочитают редко появляться? Привозят — и перестают кормить? Поить? Одевать? Заведомо зная, что они не способны работать, самостоятельно добывать себе пропитание и одежду?.. Так как же?

У нас есть ответ: но он — не для печати. Всяко идет сокращение социальных расходов. Стране надо, чтобы их-

...Уезжаем. И тут затеплилась надежда: совсем недалеко от улицы Бородинна — блокпост. Неужели не помогут? Там оказываются милиционеры из Вятки. Прошу их: поддержите несчастных, покормите из солдатского котла, отдайте остатки тушенки, хлеба... Как известно, именно эти продукты всегда можно купить на блокпостах по ценам ниже базарных, чем пользуется большинство грозненского населения. Но милиционеры упорно, настырно не хотят понимать, что к чему. Постепенно доходит: хотят они продавать, но не отдавать.

Вынимаю последний фант — предлагаю денег: возьмите, пойдете на рынок — все равно ведь ходите, — купите старикам что-нибудь, ведь сами они никуда двинуться не в состоянии.

Но тоже — отказ. На рынок идти категорически не хотят — для других. Для себя — ходят... Конечно, вятские милиционеры никому ничего не обязаны, кроме самих себя и своего выживания в Грозном. Конечно, командир им не приказывал помогать старикам. Конечно...

Вятцы отсылают к расположенному чуть поодаль подразделению подмосковной Софринской бригады внутрен-

АКЦИЯ «НОВОЙ ГАЗЕТЫ»

У настоящей войны символика грустная и гордая. Как май 45-го. Как слова песен, которые знают правнуки-малыши, и глаза Кузнецика из фильма «В бой идут одни старики». У этой войны нет ничего. Мы даже не знаем, настоящая ли она. Мы уже знаем, что победы не будет никогда. Это как безумная сломанная карусель и вместо лошадок — цинковые гробики.

В декабре, в пять утра на Павелецком вокзале мы с Галиной Николаевной Матафоновой встречали ее Ленку. От мальчика ростом метр девяносто остался прах в коробочке размером с мою ладонь. То есть мы встречали пустой деревянный ящик. Может быть, об этом стоило написать. Но я тогда написала о другом мальчике, погибшем в Моздок. Его застрелил наш лейтенант, а матери соврали, что это — чеченские боевики. А через полгода пришло письмо Галины Николаевны. Мы тогда на Павелецком вокзале так с ней плакали! Вряд ли она запомнила, что я работаю в «Новой газете». Она написала сюда потому, что, очевидно, каждой матери нужна память.

«Я, Матафонова Галина Николаевна, мать троих детей.

Старшего сына Алексея 15 мая 1998 года забрали в армию. Он ушел служить из чувства долга. Отслужил полтора года. Каждые две недели писал домой. Вдруг замолчал на два месяца, я встревожилась. Я боялась, что он в Дагестане, но успокаивала себя словами Путина, что без добровольного согласия ребят на войну не отправляют.

И через два месяца письмо все-таки пришло. Он писал из эшелона по пути в Моздок. Рассказал, что управление БРМ (боевой машиной разведки) освоил за четыре часа перед самой отправкой. «Что будет дальше, не знаю. Отматывать не было ни причин, ни времени. Ведь о том, куда мы едем, мы узнали уже в дороге через сутки... Мам, ты знаешь, я только сейчас понял, что в армии делать нечего. Просто обидно: пацан прослужил два месяца, а едет вместе со мной. Он ведь стрелять-то не умеет, куда там воевать. Зато едут гордые, бесстрашные: моа, мы всех... Мой номер жетона-смертника — Ф-926411, БРМ № 110, эшелон № 10115. Целую всех». Письмо пришло в конце сентября. Ему оставалось жить чуть больше недели.

Я поехала в Москву. Там мне сказали, что две женщины скоро летят в Дагестан добывать возвращения своих сыновей. Я должна была им позвонить 15 октября. А 14 числа я получила телеграмму о гибели сына. Гроб с

телом долго не приходил. Ребята из части Алексея рассказали, как их заставили подписать рапорта о согласии воевать. Привезли на берег Терека, построили и сказали: «Если вы с чем-то не согласны, сдайте оружие и — свободны. Выбирайтесь отсюда, как хотите, вы — российские солдаты, люди в форме. Живым вам отсюда не выйти... Или подпишывайте рапорта». ... Гроб нашлся в Ростове-на-Дону, в 124-й судебно-медицинской лаборатории. Я тогда впервые узнала об этом страшном месте...

В Ростове я встретилась с родителями Андрея Пырликова из Алтайского края. Это вместе с ним погиб мой сын, сгорев в одной БРМ.

Наши ребята имели рост по 180 и 190 см (мой был выше), а то, что осталось от них, уместилось в небольшие пакетики. И эти пакетики положили в гробы, застегнули на них камуфляжные гимнастерки, туда же положили пустые штаны, тапочки и запяли в цинк.

Уехала я, так и не дождавшись представителей части, которые по уставу обязаны были принять участие в похоронах. На багажном талоне, по которому везли тело Ленки (так мы называли его дома) до Москвы, проставлено: вид отправления: гроб с телом война МО, вес — 300 кг., объявленная ценность — 0,00 рублей.

Галина МАТАФОНОВА
Тверская обл.»

Мы продолжаем публиковать списки погибших. В нашей «Книге памяти» уже 1396 человек, не вернувшихся со второй чеченской войны. Полный список на сайте «Новая газета» — <http://novayagazeta.ru/actions/memory/memory.shtml>

- 240. Сидоров Роман Викторович, лейтенант в/ч 03768 (Московская область), погиб 14.08.191999.
- 241. Гафитулин Алексей Валерьевич, рядовой, в/ч 32258, погиб 22.08.1999.
- 242. Рахмедов Рамиль Самиккулович, рядовой, в/ч 32258, погиб 19.08.1999.
- 243. Александров Роман Сергеевич, рядовой, в/ч 54801 (247-й полк 7-й воздушно-десантной дивизии, Ставрополь), стрелок, погиб 18.08.1999.
- 244. Батрутдинов Ильсур Галиевич, в/ч 54801 (247-й полк 7-й воздушно-десантной дивизии, Ставрополь).
- 245. Деревенский Сергей Павлович, рядовой, в/ч 54801 (247-й полк 7-й воздушно-десантной дивизии, Ставрополь), погиб 16.08.1999.
- 246. Зацепин Александр Сергеевич, рядовой, в/ч 54801, 1981 г. р., погиб 19.08.1999, осколочное ранение головы, остался сын (2 года).
- 247. Пыжьянов Александр Геннадьевич, 1979 г. р., в/ч 54801 (247-й полк 7-й воздушно-десантной дивизии, Ставрополь), похоронен на родине, в Троицком районе Челябинской области, рядовой, погиб 18.08.1999 под минометным обстрелом.
- 248. Степушкин Александр Велирович, 1980 г. р., в/ч 54801 (247-й полк 7-й воздушно-десантной дивизии, Ставрополь), младший сержант, погиб 22.08.1999.
- 249. Чумаков Юрий Алексеевич, сержант, в/ч 54801, погиб 19.08.1999 в районе села Тондо.
- 250. Марусев Дмитрий Владимирович, в/ч 96548.
- 251. Мариенко Виталий Леонидович, старший лейтенант, в/ч 82259, погиб 22.08.1999.
- 252. Шорохов Андрей Антонович, рядовой, в/ч 82259, погиб 25.08.1999.

Если у вас есть знакомые, чьи дети погибли на чеченской войне, просим дать им адрес «Новой газеты»: 101000, Москва, Центр, Потаповский пер., 3, или же адрес электронной почты: gazeta@novayagazeta.ru. В письме или телеграмме укажите имя, возраст, номер воинской части, место жительства, обстоятельства и дату гибели (если известны).

КНИГА ПАМЯТИ

(Окончание. Начало на стр. 1)

И вроде бы сначала все закончилось якобы победой чеченского народа — в 1996 году войска ушли, мы провели выборы, у президента Масхадова оказалась в руках полная власть.

Я сам много над этим работал, его избрание считаю своей заслугой: без меня выборы тогда бы не состоялись. Дальше от Масхадова требовалось сохранить авторитет, завоеванный чеченцами в первой войне, после которой в арабском и исламском мире нами только восхищались, но Масхадов этого не сделал, как и многого другого. Постепенно мы теряли доверие. Масхадов позволил воровать людей. Должен был отправить из Чечни всех моджахедов, пришедших извне, — и не отправил.

— Как он мог это сделать? Ведь за участие в войне всегда полагается контрибуция?

— Очень просто. Надо было сказать им: «Если вы к нам пришли, как говорите, дорогой Аллах, то теперь большое спасибо — мы вам ничего не должны, вы уже заработали себе багаж на тот свет, идите дальше». Вместо этого мы им дали огромную волю, скважины, и они тут собрали весь мировой криминальный элемент. В конце концов начался поход на Дагестан, в Чечню вошли войска. И опять Масхадов ничего не сделал, чтобы остановить войну, хотя ему это предлагали. И я, и Москва.

Лично я был свидетелем, как Волошин, глава президентской администрации, разговаривал по телефону с Алсултановым, тогдашним вице-премьером, прямо в кабинете Масхадова. И Волошин так и сказал тогда: «Если скажете, что осуждаете терроризм, будет встреча с президентом Ельциным». Масхадов ответил: «Я этого не скажу. Это надо русским, это надо Москве». Моя позиция такова: после первой войны Масхадов бросил чеченский народ.

Отсюда моя главная цель теперь: народ больше на полуострове не бросать и не допустить, чтобы его обманывали и этой независимостью, и свободой, которую нам все равно никогда не давали и не дадут. Собственно, свобода эта простому человеку (в том числе и мне — я из очень простой крестьянской семьи) не нужна.

Ему нужна работа, за работу — зарплата и безопасность.

— Это как раз то, чего тут ни у кого, кроме вас лично, сейчас нет. У вас — работа, за нее — зарплата, вас охраняет ваша собственная охрана вперемешку с закамуфлированными под чеченцев бойцами группы «Альфа». Вас возят на работу в Гудермес на вертолете из родного дома в селении Центерой. И обратно. А в Грозном — голод, инфекции, нет воды, газа, света. Много сумасшедших людей. В селах целые семьи — с открытой формой туберкулеза.

— Это и есть цена за мнимую свободу.

— Значит, идея независимости Чечни, пока вы у власти, больше обсуждаться не будет?

— Никаких обсуждений. Никаких подобных идей. Сейчас народ хочет только окончания стрельбы. Лишь бы их не убивали, не воровали. Конечно, когда все это затихнет, они захотят работы. И надо дать им работу и зарплату. Вот это и есть свобода для Чечни.

Я беру пример с Ингушетии и Дагестана. Там тоже мусульмане, никуда не рвутся, не дают себя обманывать. А мы, чеченцы, не скажу, что глупые, но более воинственные, чем другие народы, дали использовать себя и наше чувство воинства. Теперь я хочу получить от Москвы документ, чтобы лет сорок-пятьдесят нас не трогали.

— Вы хотите от Кремля охранную грамоту?

— Да. Последние 300—400 лет мы только и делаем, что теряем свою национальную цен-

— Все чеченцы — мусульмане. Но Чечня не должна быть исламской республикой. Я представляю, что он у нас будет на том же месте, что в Ингушетии и Дагестане. У них — мечети, сколько им надо, никто никого не притесняет. А обозначать все «исламской республикой» не надо. Мы уже раз обозначили, а сделали все против ислама. Что хорошего мы получили под зеленым флагом? Ислам, что ли, подняли? Да мы на самом деле оторгли мусульман от ислама! Толкнули народ к экстремизму! Все эти талибаны, ваххабизм и прочие течения — против ислама. Их специально насаждают те, кто хо-

— Вы считаете, это что-то принципиально меняет?

— До зимы я хочу всех беженцев перевезти на свою территорию и разбить для них палаточные городки в Шелковском и Наурском районах. Уверен, из Москвы должна быть помощь — сильная, быстрая. Не такая, как сейчас. Ведь каждый день у нас тут, как год.

— Что вы собираетесь делать с тем, что называется проблемой ваххабизма?

— Нет никаких других путей, кроме уничтожения.

— Но ни одной идеи невозможно уничтожить в голове человека, кроме как снесением этой головы.

— Да, только так. Кто не осознает свою неправоту и захочет идти до конца, тот получит этот конец. К тому же у нас в Чечне нет идейных ваххабистов, а лишь проданные или купленные ими люди.

— У нас с Масхадовым — заочная беседа. Он ракету выпускает, я — в ответ. Лично мы не встречаемся.

— Что мешает?

— Он не поймет этого, даже если я попрошу о встрече. Но если он захочет встретиться, я не откажусь.

— Почему вы сами не делаете таких шагов? В чем проблема?

— А зачем он мне? У него в руках ничего нет. Басаев — сам по себе, Хаттаб — сам по себе, Масхадов — сам по себе. Деньги имеют, а власти нет. Полевые командиры — тоже сами по себе. Приходят ко мне, мы разговариваем о сдаче.

— Но когда же случится, например, Турпал Аттириев с двумя сотнями бойцов, о сложении оружия которыми вы якобы договорились уже две недели назад?

— Я услышал о том, что я об этом договорился, по телеви-

— Оттуда, конечно. На самом деле многие наши бойцы пока выжидают — хотят гарантий при сдаче, не нарушат ли военные амнистию.

— Однако гарантии должны быть с обеих сторон. Не только с федеральной. Иначе это игра в одни ворота. Даете ли вы гарантии, что боевики не возобновят боевых действий?

— Гарантий нет. Только слова. Только доверие. Нельзя не верить.

— Но пулю в спину никому не хочется получать!

— Ну что мне — расписку взять у них?.. Даже если они мне бумагу дадут, она ничего не решает. Я знаю, например, что Аттириев очень хочет закончить эту войну — он устал, и давно. А раньше никаких подобных заявлений не делал только потому, что была администрация Кошмана, а не моя. Аттириев и остальные идут под фамилию Калдыров.

— Если вы так уверены в себе, то почему каждый день летаете почевать из Гудермеса в родной Центерой? Кого боитесь?

— Никого. Просто там мой родной дом. Мне там приятно.

— Надеетесь ли вы на массовую амнистию и сдачу оружия «под себя»?

— Да, многие сдадутся именно под меня. Но за некоторых я не буду просить перед федеральными властями. Таких — 20—30 процентов. Они подлежат только уничтожению. Фамилии могу назвать: урус-мартановские Ахмадовы, Цагаравы.

— И Масхадов?

— Масхадов — совсем другое. Он не ваххабист, не суфист. Он — никто. Масхадов должен официально сложить полномочия. И это все, что от него требуется. Сказал бы: «Извините, я не справился». И ехал бы к сыну в Малайзию навсегда.

— И его выпустят?

— Думаю, да.

— А кого не выпустят?

— Все эти фамилии уже на слуху. Я не хочу их повторять, чтобы еще раз делать им рекламу. Их и без того постоянно тащат СМИ. А ведь они такие же, как все мы, смертные. Вот Хаттаба показывают — длинные черные волосы, весь вооруженный до зубов, якобы неуязвимый... А на самом деле такой же, как все мы, смерти боится. Не из металла. Хаттаб тоже хочет жить. И поэтому слав.

— Как вы думаете, какова его ближайшая судьба?

— Думаю, сбесит.

— А Басаев?

— Думаю, останется. И будет воевать до последнего. Если решится на новые бои, то это будет его последний рынок.

Странное ощущение от этого разговора. С одной стороны, вроде бы складно — и «за правду», «за народ». С другой, абсолютно все — с налетом легкой неправды. И это становится ясно каждому, кто хотя бы пару дней поколесит по сегодняшней Чечне и поговорит с людьми. Спрашивала любого, где угодно: в Чире-Юрте, Аргуне, Шали, Грозном, Октябрьском и даже Гудермесе: «Кто у вас власть?» Отвечают: «Ее у нас нет». — «А как же Каддыров?» Люди говорят одно и то же: «Если бы он был властью, мы бы его хотя бы видели». Каддыров же, сев в кресло Кошмана в Красном доме в Гудермесе, встать с него боится. Никуда не ездит, не ходит. Ему бесполезно задавать вопросы хозяйственного направления. Он не может на них ответить, даже на элементарные — например, сколько предприятий в Чечне и какие из них работают. Каддыров весь — в политических расприх, в ненависти к Масхадову, в том, чтобы доказать ему, кто кого переиграл, в перетягивании полевых командиров на свою сторону. И в фатальном отсутствии мысли, как же обустроить главное — мирную жизнь своей республике.

И когда ты все это поймешь, не остается никакой возможности верить красивой риторике о «чеченском народе», который «больше нельзя обманывать».

Ахмад-Хаджи КАДЫРОВ:

СВОБОДА ПРОСТОМУ ЧЕЛОВЕКУ НЕ НУЖНА

На вопросы «Новой газеты» ответил глава временной администрации Чеченской Республики

ДОСЬЕ. Ахмад-Хаджи Каддыров, 49 лет. Родился в Караганде. С 1957 года семья живет в селении Центерой Курчалевского района. Светского образования не имеет. Учился в Серноводском (Чечня) сельхозтехникуме и Новосибирском строительном институте, но не закончил их. В 80-е годы получил образование в Бухарском медресе и Ташкентском исламском институте. С 1991 года — постоянно в Чечне. С 1993 года — заместитель муфтия республики. С 1995 года — муфтий. С 8 июня 2000 года — глава временной администрации Чечни.

ность. На войну ведь идут лучшие, достойные, самые храбрые, настоящие патриоты. Они обманываются идеями, которые им преподносят. И гибнут. Я должен это остановить. В охранный грамоте должно быть написано: главная ценность — народ, никакими идеями нельзя вести его на войну. Этот документ нужен, чтобы в любой момент можно было сказать любому новому лидеру, который решит поднять народ на войну: «Не надо нас никуда тянуть, мы уже и так многое потеряли».

— Но ведь вы тоже далеко не пацифист — Москве объявили джихад. Что теперь с ним делать? Вы его отменили? Забрали у Аллаха свои слова обратно?

— Я объявил джихад в ту войну. И он сам собой закончился с Хасавюртовскими соглашениями — так я считаю. Когда война пришла к финишу и мы решили строить исламское государство, мы не имели права ни с кем воевать, ущемлять права соседних народов. Но мы вторглись в Дагестан, пойдя против шариа. Поэтому я сказал: «Мы виноваты в этой войне». И в 99-м году джихада не объявлял. Так что сейчас джихада нет.

— В той будущей Чечне, за которую вы теперь несете ответственность, какое место водите исламу?

чет, чтобы мир понимал ислам как терроризм.

— Правильно ли я вас понял: то, что построил Руслан Аушев в своей республике, — для вас пример?

— Да. На недавней встрече с губернаторами южного региона, где были и Казанцев, и Аушев, я так и сказал при всех: «Аушев — очень умный парень. Когда в 1991—1992 году он понял, что хочет сделать Джохар в Чечне, он отделился. Теперь Ингушетия цветет, а мы горим».

— Вы общаетесь с Аушевым?

— С начала этой войны — нет.

— В общественном мнении вы — ярый антагонист Аушева. Постоянно его публично задаете.

— Аушев должен меня понять. Я хочу спасти свой народ.

— Но и Аушев спасает ваш народ. Когда, на ваш взгляд, те сотни тысяч беженцев, которые сегодня находятся в Ингушетии, поверят в вас как реальную власть и вернутся в Чечню?

— Во-первых, о цифрах. Аушев постоянно говорит о 214 тысячах беженцев. Но я отправил в Ингушетию свою комиссию, по данным которой оказалось: там находятся не более 115 тысяч беженцев.

— А как же смертники, совершающие теракты? Они не идейные?

— Это не фундаменталисты, а просто кем-то загипнотизированные, зомбированные, заправленные наркотиками люди. Нормальный человек на это не пойдет — ислам строго запрещает самоубийство. Смертников ждет постоянная кара от Аллаха до судного дня: каждый раз они будут взрываться, оживляться, чтобы опять взорваться.

— Кто объясняет это людям сейчас, после серии терактов?

— Я говорил народу это по телевизору.

(Телевидение Гудермеса, где находится резиденция Каддырова, вещает только на городок Гудермес. — Прим. авт.)

— Кем вы себя сейчас считаете? Муллой или чиновником?

— Я бы хотел себя считать человеком. Но раз на сегодняшний день я — глава администрации Чеченской Республики, я — чиновник.

— Кто сегодня муфтий Чечни?

— Пока его нет. Я уже собирал всех имамов, сказал: «Я не могу быть и муфтием, и главой. Изберите нового». Но пока они ни на одной кандидатуре не остановились. Лично я хотел бы видеть муфтием Чечни имама Шатойского района Ахмада Шамаева. Самое главное в нем, что он может сказать правду всем. Если понадобится, то и Путину. Ведь он каждый день говорит се тем, кто ходит с оружием рядом с ним, зная, что его могут так же убить, как имамов в Урус-Мартане и Алхан-Кале.

— Вы пытаетесь сейчас разговаривать с Масхадовым? Убедить его в чем-то?

ру. Действительно, люди Турпала приходили ко мне, предлагали встретиться, но я отказался.

— Почему?

— Я не верю ему.

— Что он должен сделать, чтобы вы ему поверили и помогли попасть под амнистию?

— Он не должен настраивать людей против меня.

— Если не Аттириев, то какие другие полевые командиры уже сложили оружие «под вас»?

— Бригадный генерал Султанов Али из Шали. Он у Масхадова одно время работал вице-премьером. Али получил тяжелое ранение, лечился за границей.

— Скольких бойцов он привел с собой?

— Сдачи оружия его отрядом как таковой не было. Он просто пришел, мы поговорили, он сделал официальное заявление.

— А его отряд продолжает воевать?

— Сейчас это очень маленькие отряды. Ведь остались только фамилии. Если взять даже Магомед Хамбиева, министра обороны у Масхадова, так сейчас у него нет и десяти человек рядом. Если Хамбиев заявит, что сложит оружие, а мы ему скажем: приведи своих людей, то ему некого набрать. Сам же Хамбиев, в общем-то, дома сидит с тех пор, как боевики вышли из Грозного. Нет никого и за Аттириевым... Вчера вечером ко мне домой пришли люди из Ведено и говорят: «В нашем районе отряд из 50 человек хочет сложить оружие». Я сказал: «Пусть идут». Потому что знаю: они не ваххабисты.

За помощь в организации интервью редакции благодарит бойцов Архангельского ОМОНа Д. Мамиева, А. Сукарева, П. Вейкина, заместителя командующего группировкой МВД РФ на Северном Кавказе полковника Б. Лукина, а также С. В. Ястребковского.